

На правах рукописи

003489438

КЛИНЦОВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ

**ДИСКУРС ПОЛИТИЧЕСКИХ АРХЕТИПОВ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

Специальность 23.00.04 – политические проблемы
международных отношений и глобального развития

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

17 ДЕК 2009

Бишкек 2009

Работа выполнена на кафедре политологии
факультета международных отношений
Кыргызско-Российского Славянского университета

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Литвинов Петр Петрович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Брудный Арон Абрамович

кандидат политических наук
Эсенаманова Нургуль Сатындиевна

Ведущая организация: кафедра социально-политических наук
Академии управления при Президенте
Кыргызской Республики

Защита состоится «29» декабря 2009 г. в 15 00 на заседании диссертационного совета Д 730.001 07 по историческим и политическим наукам при Кыргызско-Российском Славянском университете по адресу 720000, г. Бишкек, проспект Чуй, 44, ауд. 432

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кыргызско-Российского Славянского университета: г. Бишкек, ул. Кивевская, 44

Автореферат разослан «24» ноября 2009 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

канд. ист. наук, доцент

Кравченко Т.Ф.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, закономерности международных отношений остаются наименее разработанным аспектом в рамках соответствующих разделов политологической науки. Во-вторых, проблема рассматривается в ракурсе влияния на международные отношения политических архетипов как наиболее общих, фундаментальных, общечеловеческих мотивов, изначальных схем, представлений, лежащих в основе самых разных явлений, связанных с деятельностью людей. Сложившись в течение тысячелетий, они сохраняются в памяти этносов как ядро национального сознания и оказывают на него сильное влияние. В-третьих, дискурсный подход, являясь одним из признанных методологических инструментов анализа политических процессов, к сожалению, применяется в обществоведческих науках не так часто, как того заслуживает.

Актуальность подчеркивается и тем, что дискурс политических архетипов рассматривается в исследовании через призму международных отношений наиболее молодых членов мирового сообщества – постсоветских государств Центральной Азии, суверенитет которых насчитывает менее двух десятилетий. В этой связи есть все основания считать, что они находятся в фазисе становления как своей государственности, так и системы международных отношений, что делает существенное изучение процесса весьма своевременным и значимым.

Безусловно, международные отношения основаны на прагматических национальных интересах, но опыт исторического развития показывает, что любое государство всегда сохраняет в них собственный менталитет, формирующийся на базе политических архетипов. Это присуще всем странам, но особенно тем, которые не имеют глубокого государственного прошлого, в связи с чем их современное политическое бытие весьма подвержено «архетипическим» влияниям. Постсоветские страны Центральной Азии шагнули в XX столетии из потестарного (догосударственного) состояния к независимой и суверенной государственности. Это сопровождалось и быстрой экстраполяцией соответствующих политических архетипов, предопределив их очевидное влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику государств региона.

Исследование природы такого влияния представляется бесспорно актуальным, во-первых, в контексте внутрирегиональных международных отношений, во-вторых – адаптации постсоветских государств Центральной Азии к мировым процессам глобализации. Наконец, в-третьих, дискурс политических архетипов в системе современных международных отношений стран региона позволяет глубже раскрыть их содержа-

ние, выявить в нем действительно позитивные тенденции, которые в перспективе будут определять основные направления развития межгосударственных связей в региональном и глобальном измерении

Степень научной разработанности темы исследования невысока, что можно считать естественным, ибо проблема влияния политических архетипов на международные отношения до сих пор серьезно не изучалась не только применительно к постсоветским государствам Центральной Азии, но и к странам мирового сообщества в целом.

Для непосредственно анализа дискурса политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии была использована теоретическая и методологическая политологическая литература¹.

Российские политологи, отмечая многие важные факторы межгосударственных отношений стран региона, дают разные оценки указанным отношениям, но неизменно подчеркивают их противоречивый характер².

¹ См напр *Андреев А Ю, Бородкин Л И, Левандовский М И* История и хаос новые подходы в синергетике // Сравнительное изучение цивилизаций мира. М, 2000, *Волков И В* Основные направления и перспективы интеграции Центральной Азии в глобальные мировые процессы этноконфессиональный аспект По материалам Кыргызской Республики. Бишкек, 2008, *Ковальченко И.Д* Место количественных методов в исторических исследованиях // Историческая наука Вопросы методологии М, 1986, *Личность в XX столетии Анализ буржуазных теорий* М, 1979, *Митина О В, Петренко В П* Синергетическая модель динамики политического сознания // Синергетика и психология Тексты Вып 1 Методологические вопросы М, 1999, *Павлов Е В* Политическая система переходного общества в условиях глобализации центральноазиатская специфика. Москва-Бишкек, 2008, *Стратегическая матрица Кыргызстана ретроспектива, современность и сценарии будущего развития Сборник статей* Москва, Алматы, 2007, *Шестопал Е Б* Мировая политология в российском контексте // Политическая наука. новые направления Сборник статей / Пер с англ М, 1999 и др

² *Арапов Д Ю* Этноконфессиональный фактор в Центральной Азии в оценке русских военных исследователей XIX–XX вв // Восток 2003 № 3, *Бирюков С В* Политика России в отношении новых независимых государств проблема выбора стратегии (на примере Узбекистана) // Восток 2001 № 1, *Бушков В И, Микульский В.Д* Таджикистан революция и гражданская война. М, 1995, *Максименко В И* Геополитическое измерение истории и среднеазиатский вопрос (ответ оппонентам) Форум геостратегическое значение Средней (Центральной Азии) в международных отношениях начала XXI в // Восток 2003 № 5, *Тренин Д* Россия и конец Евразии // Pro et contra. Т 9 2005 № 1 (28), *Фурман Д Е* Политическая эволюция постсоветских Казахстана и России (сходства и различия) // Дискуссия политические процессы в Казахстане и российско-казахстанские отношения // Восток 2004 № 4, *Швецова Д С* Политические риски в государствах Центральной Азии // Полис (Политические исследования) 2008 № 2 и др

К исследованию был привлечен объемный материал, дающий углубленное представление о природе политических архетипов³.

Разумеется, в исследовании нельзя было обойтись без работ зарубежных политологов: интересен был «взгляд со стороны», однако, к сожалению, многие публикации носят «туманный» и идеологизированный характер, поскольку западные специалисты, проявляющие стабильный интерес к проблемам международных отношений постсоветских государств Центральной Азии, как правило, игнорируют изучение их исторического прошлого, делая упор на оценку настоящего⁴.

По мнению зарубежного политолога Б. Брауэр, все «бывшие советские республики – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – прежде никогда не существовали как самостоятельные государства»⁵, поэтому официальная историография постсоветских стран Центральной Азии пытается изобрести для своего «титового» этноса некий великий государственный «прототип»⁶. Так, казахстанский историк А. Байбатиша утверждает о появлении казахской государственности 2500 лет назад⁷.

Таким образом, официальная историография постсоветских государств Центральной Азии исполнена идеологизированных и мифологизированных интерпретаций прошлого. Исключением является Кыргызстан, имеющий двадцатидвухвековые истоки государственности, где

³ *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи Л, 1971, Домусульманские верования и обряды в Средней Азии М, 1975, *Дробизева Л.М.* Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветском пространстве М, 2003, *Ильхамов А.* Археология узбекской идентичности // *Этнографическое обозрение* 2005 № 1, *Массон В.М.* Древний Кыргызстан процессы культурогенеза и культурное наследие Историко-культурологические очерки Бишкек, 2003, *Мельникова Е.В.* Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект) М, 2006, *Рисанаягам Й.* Этничность, государственная идеология и понятие «община» в Узбекистане // Ферганская долина Этничность Этнические конфликты М, Наука, 2004, *Тишков В.А.* О феномене этничности // *Этнографическое обозрение* 1997 № 3 и др.

⁴ См. *Бжезинский З.* Выбор Мировое господство или глобальное лидерство М, 2007, *Блондель Ж.* Политическое лидерство М, 1992, *Виельмини Фабрицио* Большая англо-американская игра в Центральной Азии путь преодоления // *Вестник Евразии* 2005 № 2 (28), *Гейсс Пауль Георг* Правовая культура и политические реформы в странах Центральной Азии // *Центральная Азия и Кавказ Общественно-политический журнал* 2001 № 6(18), *Гуллет Дэвид* Тройбаллизм в Кыргызстане точка зрения // *Центральная Азия и Кавказ Журнал социально-политических исследований* 2002 № 2(20), *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций // *Политические исследования (ПОЛИС)* 1994 № 1 и др.

⁵ *Брауэр Биргит* Пять государств, одна стратегия Европейский Союз в поисках нового пути в Центральную Азию // *Internationale Politik*. 2007 № 2 С 33

⁶ См. напр. *Абдакимов А.* История Казахстана. Алматы, 1994, *Артыкбаев Ж.О.* История Казахстана. Астана, 1999, *Рахимов Ж.* История Узбекистана. Ташкент, 2001

⁷ *Байбатиша А.* Антропогенная история Казахстана. Алматы, 2003

профессионализм (а значит, и объективность) научного знания поддерживается такими учеными, как А Б Элебаева, А.А. Брудный, А Д Джуманалиев, Дж. Джунушалиев, А.Ч Какеев, З К Курманов, Н М Омаров, В М. Плоских и др

Для более углубленного, а, главное, объективного анализа проблемы была изучена соответствующая литература как дореволюционного (Абаза К.К., Арендаренко Г.А, Бартольд В.В., Валиханов Ч Ч., Венюков М, Костенко Л, Куропаткин А.Н., Остроумов Н П, Поярков Ф., Радлов В В и др.), так и советского периодов (Айтмамбетов Д, Давлетов Дж., Иванов И П, Кастельская З Д, Литвинов П П, Плоских В.М., Сулейменов Б С и др) Это позволило расширить наши представления об основе, на которой сложились и функционировали политические архетипы народов Центральной Азии. В этой же связи интерес вызвали и работы зарубежных исследователей (Becker S., Curzon G, Davidson B, D' Encausse H., Dor R, Naumann C., Haldsworth M, Krauder L, Lansdell H., Lattimore O, Meakin A, Shahrani N., ets).

Изучение профильных сочинений специалистов из постсоветских государств Центральной Азии позволило сделать следующее заключение если кыргызстанские ученые в большинстве своем придерживаются объективных подходов, то их коллеги из соседних стран региона нередко склоняются ко всякого рода псевдонаучным инсинуациям⁸

Таким образом, анализ степени научной разработанности темы показывает, что она не нашла должной научной рефлексии в отечественной и зарубежной литературе, что подчеркивает ее актуальность

Объектом научного исследования являются международные отношения постсоветских государств Центральной Азии (1991–2009 гг.).

Предмет исследования – закономерности возникновения и развития политических архетипов и их воздействие на формирование международных отношений государств постсоветской Центральной Азии.

Цель диссертационной работы – выявление места и роли политических архетипов в дискурсе международных отношений постсоветских государств Центральной Азии В соответствии с этим в работе ставятся такие задачи.

⁸ См напр Артыкбаев Ж О История Казахстана. Астана, 1999, Абенов Е М, Арынов Е М, Тасмагамбетов И Н Казахстан эволюция государства и общества Алматы, 1996, Жусупов С Ислам в Казахстане прошлое, настоящее и будущее во взаимоотношениях государства и религии // Ислам на постсоветском пространстве взгляд изнутри Сборник статей М, 2001, Исмагамбетов Т Пограничные вопросы в Центральной Азии Алматы, 2002, Сайфулин Р Республика Узбекистан политическая динамика // Центральная Азия собственный взгляд Сборник статей Бишкек, 2006

- исследовать природу политических архетипов как неформальных институтов в дискурсе международных отношений в Центральной Азии;

- выстроить теоретические модели политических архетипов, преимущественно тех, которые непосредственно связаны с дипломатической практикой в постсоветских государствах региона,

- охарактеризовать методологический инструментарий проблемы как основу перехода от количественного анализа к качественному;

- показать характер межэтнических отношений и внешней политики в Центральной Азии в ракурсе притязаний ведущих акторов региона в период, предшествующий распаду СССР и обретению государствами региона статуса независимых и суверенных государств;

- раскрыть содержание трансформации политических архетипов в системе международных отношений в Центральной Азии в постсоветский период

Основные положения, выносимые на защиту:

1 Теоретико-методологический анализ политических архетипов свидетельствует, что они являются неинституциональными элементами общественного развития, но их влияние на институциональную политику, в том числе в сфере международных отношений, можно считать действительным

2 В дискурсе международных отношений постсоветских государств Центральной Азии политические архетипы выступают как неформальные нормативные образцы межэтнических связей, обладающие легитимным потенциалом регулирования

3 Политические архетипы определяют воздействие трайбальных, конфессиональных и т.п. факторов на современные межгосударственные связи в регионе.

4. Влияние политических архетипов в дискурсе международных отношений постсоветских государств Центральной Азии сохранится в обозримом будущем

Теоретическая и методологическая основа исследования характеризуется принципами исторического материализма, строится на системном и комплексном подходах к изучению особенностей дискурса политических архетипов. В работе использовались различные методы (проблемно-хронологический, компаративный, ретроспективный и др.), но ведущим являлся диалектический метод как универсальный способ познания

Источниковая база исследования представлена важными государственными актами постсоветских стран Центральной Азии, содержащими немало фрагментов, относящихся к их международным отно-

шениям, трудами руководителей центральноазиатских государств, в которых имеются сведения о международных отношениях, сборниками документов, изданными в разные периоды

Теоретическая и практическая значимость данного исследования заключается в том, что это – первый опыт специального изучения проблемы политических архетипов, в связи с чем работа приобретает общетеоретический характер и потому может использоваться для анализа подобных явлений в любом регионе мира, послужив основой для дальнейших научных разработок при написании обобщающих трудов в сфере теории и практики международных отношений. Область практического применения материалов и результатов исследования весьма обширна: ими могут воспользоваться работники внешнеполитических ведомств государств Центральноазиатского региона и других зарубежных стран, ученые, публицисты, журналисты и др.

Результаты работы могут оказаться полезными для определения перспектив и оптимальных путей выстраивания взаимоотношений как между государствами внутри региона, так и в сфере международных отношений. Материалы диссертационного исследования могут найти применение при разработке и составлении учебных программ основных общетеоретических и специальных курсов вузов, в системе подготовки и переподготовки специалистов-управленцев и дипломатов

Научная новизна работы определяется тем обстоятельством, что в политологии до сих пор не было специальных исследований политических архетипов в дискурсе международных отношений на постсоветском пространстве. Это затрудняло сущностное понимание внешней политики и межгосударственных связей стран современной Центральной Азии, поскольку оно в значительной мере обусловлено их архетипической природой. Соответственно, была затруднительной компетентная оценка тех или иных фактов внешнеполитической деятельности постсоветских государств региона. В данном исследовании впервые предпринята попытка концептуального осмысления места и роли политических архетипов в формировании и функционировании международных отношений указанных государств, что представляется новым явлением в современной отечественной политологии.

Апробация результатов диссертационного исследования прошла на международных и региональных научно-практических конференциях (Межрегиональная научно-практическая конференция «Конституция Российской Федерации 15 лет спустя. теория и практика» – Елецкий госуниверситет им. И.А. Бунина, 2009 и др.), на Круглых столах, посвященных проблемам современной политологии, в лекциях по спецкурсу «Актуальные проблемы политической дискурсологии».

По исследуемой теме были опубликованы две монографии «Трансформация развития политических архетипов в их влиянии на международные отношения постсоветских государств Центральной Азии» (Москва; Бишкек, 2008. 4,75 п. л.) и «Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств в Центральной Азии» (Москва-Бишкек, 2009. 28,0 п. л.) и 8 статей, общим объемом 4,0 п. л., в российских и кыргызстанских научных журналах, в том числе 4 статьи – в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Российской Федерации.

Структура и объем диссертации. Исследование, общим объемом 236 страниц, состоит из введения, трех глав (7 параграфов), заключения и списка использованной литературы, включающего 383 наименования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, дается оценка степени разработанности проблемы, определяются объект, предмет, цели и задачи исследования, научная новизна и положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость, источниковая база, а также сведения об апробации работы.

В первой главе «Политические архетипы: теория и методологический анализ» осуществляется теоретическое моделирование ряда политических архетипов и характеризуется методологический инструментарий проблемы перехода их анализа от количественного к качественному.

В первом параграфе автор отмечает, что создание модельного ряда политических архетипов должно опираться на постулаты современной теоретической политологии, которая не дает им конкретных дефиниций. Политические архетипы относятся к неинституциональным элементам общественного развития, проявляющим себя во всех сферах, не исключая внешнеполитической. Они находят рефлексию на уровнях политической идентификации, вербально-эмоциональном, инструментальном, являясь существенным инфраструктурным фактором артикуляции и агрегирования представлений о политике фактически всех социальных групп общества. Их влияние на институциональную политику (особенно, в части ее коммуникативной функции) представляется безусловным. В плане интерпретации, политические архетипы могут отходить от архетипов вообще (устанавливающих образцы желаемого пове-

дения), так как они нередко репрезентируются со значительными корреляциями, привнесенными стандартами актуализации практики современных международных отношений. Здесь нет антагонизма, ибо это — следствие диалектики функций политических архетипов в структуре таких отношений. Автор приходит к выводу, что политические архетипы играют существенную роль в качестве показателей политического доверия на всех присущих ему уровнях: генерализованном, специализированном, партикуляризованном и институциональном. Политические архетипы — это фундаментальные основы функционирования этноса во всех сферах бытия. Теоретические модели политических архетипов должны соответствовать императивам политологии, касающимся власти, государства, политической культуры, структуры политического процесса, конфликтологии, политического прогнозирования, акторов международных отношений и т. д.

При моделировании политических архетипов выделяются те, которые имеют наибольшее значение в исследовании. Определяющими признаются хозяйственно-культурные политические архетипы Центральной Азии — кочевой и оседлый, поскольку в дискурсе международных (внутрирегиональных) отношений постсоветских государств Центральной Азии главную роль играют земельно-водные, территориальные, миграционные и т. п. проблемы. Рассматривая модель политического архетипа власти автохтонных этносов региона с учетом конкретики экономических укладов — кочевничества и земледельческого, автор отмечает черты сходства и различия императивов власти у кочевых и оседлых народов, подчеркивая, что модель власти у них издавна была одинаково определяющей в формировании межэтнических, а позже — межгосударственных отношений. Значительную роль в них играл политический архетип религии — ислама, которая была единой для всех этносов Центральной Азии, но разной была степень религиозности — поверхностная (со значительными реликтами язычества) у кочевых и более «твердая» — у оседлых народов. Это не могло не влиять на межэтнические и межгосударственные связи в регионе. Модель политического архетипа межэтнических коммуникаций в Центральной Азии сложилась в отдаленном прошлом, но ее влияние на дискурс современных международных отношений государств региона следует считать неоспоримым.

Автор приходит к выводу, что теоретическое моделирование так же абстрактно, как и сами политические архетипы.

Во втором параграфе автор диссертационного исследования рассматривает методологический инструментарий проблемы перехода от количественного анализа к качественному, отмечая многообразие представленных видов научного анализа: дискриминантный, дисперсионный,

кумулятивный, перекрестный, межстрановой, количественный, сравнительный и др

Вопрос о методологическом инструментарии политического анализа является дискуссионным между двумя основными течениями в методологии политической науки – «традиционалистским», исповедующим качественные методы классической и институциональной политологии, и «эмпирическим», отстаивающим приоритет «точных» и количественных методов

Как показывает практика развития политологической науки, ее адепты часто одновременно используют наиболее рациональные идеи как того, так и другого течений. В современном методологическом инструментарии, отмечает далее автор, появляются и «новые» методики политологического анализа, опирающиеся на принципы сходства и различия, дедуктивные и теоретические модели политических институтов и индуктивные методы их верификации с помощью диахронно-исторического и синхронно-функционального способов. Указывается, что деление методов политического анализа на качественные и количественные стало особенно актуальным во второй половине XX в., однако качественные методы возникли гораздо раньше количественных. Если первые опираются на изучение и определение качественных признаков и свойств политических объектов, то вторые – на прямое или косвенное измерение, предполагающее использование символично-математической формализации и квантификации этих параметров. Автор полагает, что в современных методиках политологических исследований сложно обозначить грань между качественными и количественными подходами. Область качественных методов в макрополитологическом исследовании лежит между двумя крайними подходами к изучению отдельного случая. Исследования с помощью одной главной объяснительной переменной, с одной стороны, и попыткой объять все существующие политические системы на глобальном уровне при помощи возможно большего количества переменных – с другой. Область качественных методов располагается между обычным эмпирическим исследованием, в котором наличествуют бесчисленные переменные, но есть один объект изучения, и обычным количественным исследованием, подразумевающим многочисленность объектов изучения при сравнительно небольшом числе переменных. Это отражает использование в исследовании методологического инструментария перехода от количественного анализа к качественному в проблеме дискурса политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии

В настоящее время выделяется три компонента методологического инструментария политологического анализа. 1) общенаучные; 2) со-

циально-гуманитарные; 3) специально-научные. В исследовании характеризуются такие методы политологического анализа дискурса политических архетипов в системе международных отношений постсоветских стран Центральной Азии, как квантификация, синергетика, теория рационального выбора; методологические подходы – директивный, функциональный, коммуникативный, структуралистский, институциональный и неинституциональный, бихевиоральный (и бихевиористский), интеракционистский, структурно-функциональный, инструменталистский, психолого-антропологический, марксистский, исторический, компаративный и др. Все они в разной степени затрагивают проблему политических архетипов, однако в суммарном выражении эта проблема в ракурсе отмеченных подходов не имеет еще убедительной рефлексии. Особое внимание в исследовании автор уделяет связи понятий политических архетипов с менталитетом и национальным характером, в частности отмечая, что политические архетипы сформировались и достаточным образом утвердились еще в потестарный (догосударственный) период; в процессе же этногенеза складывался определенный психический тип со стойкими чертами как результат восприятия от прежних поколений обычаев, привычек жизненного уклада, традиций общения с соседями и т. д., что и формировало основу политических архетипов.

Основываясь на методологическом инструментарии проблемы перехода от количественного анализа к качественному, автор делает вывод о том, что дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии является противоречивым с точки зрения их воздействия на развитие стран региона в контексте процессов региональной интеграции и мировой глобализации.

Во второй главе «Политические архетипы как неформальные институты в дискурсе международных отношений в Центральной Азии» отмечается, что политические архетипы представляют собой долговечные и нормативные образцы социальных связей, считающиеся легитимными и обладающими потенциалом для решения проблем и регулирования человеческих отношений. К неформальным институтам относят традиции, обычаи, моральные ценности, религиозные убеждения и иные формы общения долгосрочного характера. Если формальные правила возникают, изменяются и внедряются путем насаждения извне, то неформальные вырастают на основе самоорганизующейся динамики социального взаимодействия. Неформальные институты могут выступать и как акторы, влияющие на дискурс международных отношений постсоветских государств Центральной Азии.

В первом параграфе, посвященном межэтническим отношениям и внешней политике, а также экскурсу притязаний в Центральной Азии,

начиная с середины XIX в и до 1991 г, автор указывает на то, что международные отношения коренных этносов Центральной Азии имеют давнюю историю. Так, уже в VI–VII вв. тюрки использовали внешнеполитические методы в борьбе за политическое господство в регионе против китайцев, захвативших Восточный Туркестан и угнетавших местное население В 751 г. арабы и тюрки разгромили китайцев на р. Талас, выбросив их на целое тысячелетие из Центральной Азии. Но в середине XVIII в. Китай вернул контроль над восточной частью региона Естественно, подчеркивает автор, он стал важным внешнеполитическим актором в международных отношениях в регионе, притязая на тотальное в нем господство. В XVII–XVIII вв в международных отношениях в Центральной Азии значительную роль играло Джунгарское ханство. Народы региона яростно сопротивлялись нашествиям джунгар (ойратов) и китайцев, которые часто нападали на кочевья, стараясь завладеть ими и подчинить себе этносы Центральной Азии, вынужденные в связи с весьма неблагоприятной для них ситуацией искать сильной внешней поддержки. Они обрели ее в лице России Сначала к ней присоединились казахи Среднего и Малого жузов, но после агрессии Кокандского ханства против кочевников в первой половине XIX в к России присоединились кыргызы и казахи Старшего жуза В итоге Россия тоже стала крупным актором в международных отношениях в Центральной Азии.

Далее автор повествует о том, что в первой половине XIX в. крупным внешнеполитическим актором в регионе становится Англия, у которой появляются амбициозные притязания на доминирование в нем. В союзе с Великобританией как актор выступала Османская империя С конца XIX в заявила свои претензии на гегемонию в Центральной Азии Германия, на союз с которой переориентировалась Турция. Ответом на германо-турецкий союз стала англо-русская Конвенция 1907 г. Несмотря на это, англичане исподволь поддерживали антироссийские происки Афганистана и китайских властей Восточного Туркестана. Но в начавшейся «Большой игре» за Центральную Азию главными акторами выступали Россия и Англия.

Автор подчеркивает, что присоединение Средней Азии к России не оказало негативного влияния на отношения между ее народами Ее границы в Туркестане не были закрытыми Люди могли свободно их пересекать для торговли, поиска работы, посещения родственников и т д. Характер межэтнических и международных отношений в регионе изменился после установления в Средней Азии и Казахстане Советской власти. Во-первых, с 1920-х гг постепенно закрылись внешние границы, что затруднило контакты частей единых этносов, оказавшихся по разные их стороны Но это имело и позитивную сторону – разделение этно-

сов границами повлияло на их историческую судьбу. Например, кыргызы, оставшиеся в пределах СССР, добились значительных успехов в социально-экономическом и ином развитии, тогда как их соплеменники даже в социалистической КНР их не имели, не говоря об афганских кыргызах, пребывавших в перманентной отсталости. Во-вторых, в результате проведенного в Советском Туркестане национально-государственного размежевания, ведущие этносы получили свою государственность. Между союзными республиками существовали официальные границы, но они были условными и формальными, хотя именно благодаря им появилась реальная правовая основа для получения полной независимости и суверенитета союзными республиками после распада СССР.

Автор отмечает, что современная литература о национально-государственном размежевании в Советском Туркестане содержит много сведений о его недостатках, породивших немало взаимных притязаний между нынешними государствами региона. Но они не являются позитивными. Политические архетипы предлагают лишь один приемлемый для всех выход – признать результаты «размежевания» 1920-х гг., укрепить всестороннее региональное сотрудничество, сделать либеральной пограничную политику, что принесет выгоду всем. Автор убедительно доказывает, что если дискурс международных отношений постсоветских государств Центральной Азии будет учитывать политические архетипы, то возможность взаимовыгодного решения всех проблем станет вполне вероятной.

Резюмируя, автор высказывает соображение о том, что именно в этом суть дискурсного соотношения внешней политики и межэтнических отношений в регионе, залог эффективного социально-экономического, духовно-культурного и иного развития в постсоветских государствах Центральной Азии.

В параграфе, посвященном проблемам трансформации развития политических архетипов в системе международных отношений в Центральной Азии в постсоветский период, автор отмечает объективный характер распада СССР, появления на его месте плеяды новых независимых и суверенных государств. Значительную роль в трансформации политических архетипов народов Центральной Азии в постсоветский период стали играть концепции суверенитета, опирающиеся на две идеологемы: «коренной этнос» и «государствообразующая нация». Это имело следствием разделение населения стран Центральной Азии после 1991 г. на «своих» и «чужих», по принципу: «мы – они». Это инициировалось и поддерживалось правящими элитами в государствах региона, представляющими «титulyные» этносы. Автор доказывает, что в этом

присутствовал не столько этнический, сколько политический смысл – как можно быстрее дистанцироваться от прошлого, укрепив тем самым основы легитимности своей, ныне ни от кого не зависящей власти

Политический архетип межэтнических коммуникаций как традиционный стандарт отношений между этносами Центральной Азии объективно должен был трансформироваться в международные отношения как межгосударственные, так как бывшие привычные отношения между народами теперь независимых и суверенных государств стали наталкиваться на преграды, с которыми они ранее не встречались. Процесс оказался непростым. Все постсоветские государства Центральной Азии, по мнению автора, в разной мере, но «выковали» доктрину «многовекторной дипломатии», предусматривавшую процесс формирования системы отношений с развитыми странами Запада (США и Евросоюзом) в надежде на получение от него безвозмездной помощи, субвенций, льготных кредитов и т. п. Однако Запад потребовал от них отказа от «тоталитаризма» и внедрения в жизнь общемировых стандартов демократии, на что авторитарные режимы региона оказались неспособны, так как в них эффективно действовали традиционные политические архетипы, согласно которым все, в том числе и курс международных отношений, определяли только носители высшей власти – президенты. Политические архетипы, в том числе межэтнических коммуникаций, в своей сущности предусматривают сотрудничество, не указывая на его «именные» векторы. Они должны диктоваться самой жизнью и лишь нацеливать этносы на сотрудничество с внешним миром как таковым

Но политические архетипы содержали в себе и компонент выгоды сотрудничества, которое может быть таким не только в отношениях с соседями, но и с более отдаленными государствами. Однако сегодня, по мысли автора, выгоды международных отношений стран Центральной Азии с западными государствами становятся все более проблематичными, ясно, что глобальная интеграция обходит стороной государства региона и поэтому представляются предпочтительными выгоды интеграции постсоветских государств Центральной Азии, что соответствует традиционным стандартам политического архетипа межэтнических коммуникаций, которая пока достаточно проблематична.

Поскольку постсоветские страны Центральной Азии сохраняют приоритетными международные отношения со странами «дальнего зарубежья», не исключая, естественно, и Россию, то межгосударственные отношения с соседями по региону отходят на второй план. Но было бы ошибочным полагать, пишет автор, что высшие руководители стран региона этим не озабочены. Они просто не считают их доминантными, о чем свидетельствуют концепции внешней политики, утвержденные в

каждом государстве Центральной Азии. На это обстоятельство влияют существующие противоречия, разногласия, конфликты и т. п. между странами региона по многим вопросам, остроту которых пытаются более вуалировать, чем решать кардинально.

Таким образом, трансформация развития политических архетипов в системе международных отношений постсоветских государств Центральной Азии после обретения ими независимости и суверенитета была противоречивым процессом. Автор делает вывод о том, что межгосударственные отношения в регионе характеризуются, с одной стороны, стремлением к интеграции, с другой – конкуренцией в борьбе за выживание, обусловленной проблемами внутреннего национально-государственного устройства. Идет борьба за лидерство в регионе с оказанием различного давления на соседей. Нечеткость межгосударственных границ и разновекторное изменение политических систем негативно отражаются на внутрирегиональных взаимоотношениях. Такое положение является «архетипическим», поскольку его парадигма просматривалась и в характере межэтнических коммуникаций постэтнических этносов Центральной Азии.

Автор имеет основания утверждать, что парадигма внешней политики и международных отношений постсоветских государств Центральной Азии является итогом трансформации соответствующих политических архетипов региональных этносов в пространственно-временном континууме. Заслуживает внимания и амбивалентность трансформации. Эйфория, связанная с получением независимости и суверенитета, породила много надежд на быстрый прорыв вперед за счет заимствований западного «демократического» опыта строительства правового государства и гражданского общества, но мало кто обращал внимание на то, что на Западе процесс такого «строительства» продолжался не одно столетие. Поэтому такие «займы» не имели успеха, ибо перенесение на чужую почву изначально обрекало их на «засыхание», так как растет и развивается лишь то, что имеет под собой испытанную долговременным опытом жизни почву. А ею могут быть только свои политические архетипы.

Автор делает вывод о том, что трансформация политических архетипов в дискурсе международных отношений постсоветских государств Центральной Азии может иметь позитивные результаты лишь в том случае, если она будет иметь указанную почву. Тогда трансформация как диалектическое явление сама придаст политическим архетипам черты, объективно соответствующие новым реалиям внешней политики и международных отношений в Центральной Азии.

В третьей главе «Трансформация развития политических архетипов в их влиянии на международные отношения постсоветских государств Центральной Азии» рассматриваются вопросы легитимации трайбализма в притязаниях политических акторов в регионе, проблемы интерпретации конфессиональных аспектов указанных отношений, а также области и направления влияния политических архетипов на состояние и перспективы международных отношений

В параграфе, посвященном проблеме легитимации трайбализма в притязаниях политических акторов Центральной Азии, автор указывает, что это явление остается важным атрибутом государственной и общественной жизни в постсоветских странах региона. Между тем, находятся политологи, полагающие, что трайбализм в странах региона находился на грани отмирания и только распад СССР спас его от этого и вдохнул в него новые силы. Опираясь на мнения профессионалов, автор в своем исследовании опровергает такие наивные суждения. Обосновывается факт легитимации трайбализма при Советской власти, когда решения глав партийных и иных органов по существу определялись лидерами традиционных родов и племен.

Проблемы трайбализма вызывают дискуссии среди ученых и публицистов, поскольку отдельные представители тех и других рассматривают его как социальный институт, что, по сути, ошибочно. Более того, утверждает автор, нет и политического архетипа трайбализма, устанавливающего конструкцию антагонизмов между родственными этническими общностями. Трайбализм – это система жизненных отношений между гомогенными этническими общностями, возникающая и видоизменяющаяся в диалектике конкретных социально-исторических обстоятельств. Он не принадлежит к разряду институциональных явлений в социальном развитии, а является рефлексией амбивалентных отношений между отдельными группами одного и того же этноса. В диссертации автор обосновывает специфику легитимации трайбализма в каждом из постсоветских государств Центральной Азии и выражает сомнение в том, что негативы трайбализма в них могут быть исторически неизбывны. Вместе с тем автор подчеркивает вред гипотетически полной ликвидации трайбализма, являющегося и позитивным элементом этнической культуры, консолидирующим и сплачивающим людей.

Трайбы являются ведущими политическими акторами внешнеполитической жизни постсоветских государств Центральной Азии, имеющими значительные притязания, однако степень их влияния на нее зависит от внутривнутриполитических позиций клана. Каждый трайб стремится получить побольше важных мест в государственных и иных институтах, приобрести максимум властных прерогатив и полномочий. Поэтому

главными притязаниями тайбов должны быть властные. Через своих представителей во власти кланы стараются реализовать и свои притязания на получение разного рода преференций, льгот, выгод в международных отношениях. Ошибочным полагать, что такое тайбальное соперничество имеет только «центральное» измерение: оно охватывает широко и местный (локальный) пространственно-временной континуум.

Автор отмечает, что легитимация тайбализма в притязаниях политических акторов в Центральной Азии представляет собой важный аспект в анализе внешнеполитического дискурса в регионе. Он сохраняет и сегодня свое влияние на все стороны политического процесса. Есть основания полагать, что и в обозримом будущем оно не утратит namного своей нынешней эффективности. С негативами тайбализма надо бороться, но вряд ли следует добиваться его тотальной ликвидации, ибо тайбализм как общественное явление нуждается в сохранении как часть этнокультурного наследия коренных народов региона, атрибут их исторической памяти.

В параграфе, рассматривающем проблемы интерпретации конфессиональных аспектов международных отношений в Центральной Азии, автор указывает, что мусульманские страны прочно вписались в систему мировых межгосударственных связей и нет оснований полагать, что возможно «столкновение цивилизаций» по сценарию С. Хантингтона. Вместе с тем, отношения «цивилизаций» являются непростыми. Мусульманская Турция давно является прозападной, но Евросоюз отвергает ее членство как конфессионально чуждое его христианской сущности.

Все постсоветские государства Центральной Азии позиционируют себя в конституциях светскими, но ясно, пишет автор, что ислам в них, пусть и неконституционно, но все же партикулярен, особенно в «оседлых» регионах – Узбекистане и Таджикистане. Главным является то, что в международных отношениях светских государств религиозные проблемы могут обсуждаться, но не фиксироваться в качестве норм межгосударственных актов. Это должно быть присуще и государствам Центральной Азии как светским. Кроме того, по составу населения они являются пока еще многонациональными и поликонфессиональными. За исключением коренных жителей региона – мусульман и местных евреев, все другие этноконфессиональные общины состоят из «пришлых», переселившихся в Центральную Азию в царистский или советский периоды. В большинстве они являются русскоязычными, но разными в конфессиональном отношении. Основную массу среди них составляют православные (русские, украинцы, белорусы, греки и др.). Эти же этносы образуют преобладающую часть среди сектантов, во множестве распро-

странившихся в постсоветских государствах региона. Партикулярное положение ислама в них следует считать нормой, так как власти стран Центральной Азии не могут не отдавать предпочтения адептам религии Пророка, составляющим большинство населения. Поэтому они идентифицируют себя как исламские страны и стремятся к развитию международных отношений с мусульманским миром.

Автор отмечает, что за 18 лет своего независимого и суверенного существования эти государства не могли не развить обширных связей с родственными им в конфессиональном отношении странами. Здесь наблюдается активное влияние на формирование конфессионального аспекта международных отношений политического архетипа религии. Мусульмане Центральной Азии, даже «кочевые», религиозно слабые, единодушно приветствуют международные отношения с «братьями» по вере, тогда как негативно относятся к связям с немусульманским миром (например, Китаем). Такая солидарность служит хорошим средством консолидации мусульманского населения, усиливает конфессиональные аспекты международных отношений постсоветских государств Центральной Азии.

Подчеркивая, что отношения центральноазиатских государств со странами мусульманского мира настолько многообразны и всесторонни, автор пишет, что рассмотреть их в ограниченных рамках диссертации не представляется возможным и поэтому избирается такой аспект, конфессиональный характер которого естественен, объективен и несомненен в пространственно-временном континууме. Им является зарубежное религиозное паломничество. Утверждать, что оно отстоит от международных отношений неправомерно, так как его вопросы регулируются повсеместно государственными внешнеполитическими ведомствами. В диссертации автор подробно анализирует значение паломничества в системе международных отношений постсоветских государств Центральной Азии. Представляется существенным, что в своих межгосударственных связях с исламским миром страны Центральной Азии дистанцируются от тесных контактов с теми, где есть опасные очаги исламизма, мусульманского экстремизма и терроризма.

Резюмируя, автор указывает, что конфессиональные аспекты в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии играют существенную роль, оказывая на них заметное влияние. Это усматривается в межгосударственных связях стран региона не только с мусульманским миром, но и с христианским, а равно и с любым иным. Религиозное многообразие планеты дает основание полагать, что конфессиональные аспекты международных отношений государств

Центральной Азии сохраняют свое значение не только в современности, но и в достаточно отдаленном будущем.

Далее, освещая в отдельном *параграфе* состояние и перспективы влияния политических архетипов на те или иные области и направления международных отношений в Центральной Азии, автор отмечает, что оно имеет разные уровни, из которых можно выделить социологический, социально-психологический, политологический и др. Автор считает наиболее интересным последний, ибо он соответствует теме и профилю диссертации. Анализ ситуации в постсоветских государствах Центральной Азии позволяет автору утверждать, что области и направления влияния политических архетипов на их международные отношения весьма многообразны и органично слиты как с общим положением в регионе, так и в каждой из его стран. Что же касается его перспектив, то на современные дипломатические отношения постсоветских государств Центральной Азии влияют многие политические архетипы: экономического поведения, межэтнических (внешних) коммуникаций, власти, религии и др. Степень их воздействия на указанные отношения различна, но изоморфна – политические архетипы могут перемещаться, замещаться друг другом, а то и выступать в «смешанном» виде.

Таким образом, заключает автор, чисто эксклюзивного влияния одного политического архетипа на те или иные сегменты международных отношений фактически нет – оно выступает в агрегированной рефлексии. Но, в зависимости от ситуации, один из политических архетипов является в ней доминантным. Например, при анализе конфессиональных аспектов международных отношений постсоветских государств Центральной Азии, безусловно, доминантным был политический архетип религии. Но при диалектическом анализе проблемы всегда и во всем обнаруживается влияние одного и того же политического архетипа – «экономического поведения». В диссертации автор обосновывает это положение многими примерами земельно-водных, территориальных, пограничных и иных проблем. Указывается, что все они имеют «архетипическую» основу, влияющую на международные отношения в регионе. Наиболее остро эти проблемы воспринимаются тоже «архетипически» – преимущественно оседлым земледельческим населением. Но и кочевников волнуют указанные проблемы, особенно земельная (пастбищная).

Важной проблемой перспектив дискурса международных отношений государств региона является отсутствие в них ясной и стратегически выверенной этнической политики. Повсеместно власти открыто (или латентно) стимулируют этноцентризм, превращая его в лейтмотив аккомодации «автохтонов» к статусу суверенитета. Везде разворачиваются процессы «казахизации», «узбекизации», «туркменизации», «тад-

жикизации» Пожалуй, лишь в Кыргызстане этот процесс пока эмбрионален. Понятно, отмечает автор, что данное обстоятельство не может не влиять на отношения государств Центральной Азии со странами, являющимися исторической родиной для «нетитульных» жителей региона.

Что касается долговременной перспективы, то (автор ссылается здесь на мнение видных политологов) и через двадцать лет Центральная Азия останется в периферийной зоне глобализации. Даже те успехи, которые сейчас демонстрируют экономики отдельных стран региона (например, Казахстана), требуют значительных структурных перемен и агрегированной поддержки со стороны мирового сообщества.

Таким образом, влияние политических архетипов на различные области и направления международных отношений постсоветских государств Центральной Азии в их нынешнем состоянии является еще достаточно аморфным. Автор объясняет это обстоятельство следствием незавершенности процесса институционализации внешнеполитической деятельности. Но в случае с постсоветскими государствами Центральной Азии такая неопределенность, видимо, имеет иную подоплеку, поэтому у нее и адекватные – неясные и труднопредсказуемые – перспективы. Автор указывает на то, что сегодня сложно прогнозировать, чем может закончиться грядущая смена власти лидеров Узбекистана и Казахстана. Если в Узбекистане таковая еще возможна по уже опробованному «туркменскому сценарию», то для того же Казахстана он представляется весьма сомнительным.

Автор отмечает, что ситуация будет развиваться в русле действия тех политических архетипов, которые и сегодня определяют сущность международного положения и межгосударственных отношений постсоветских стран региона.

В заключении предлагаются следующие выводы:

1. Роль политических архетипов в дискурсе международных отношений постсоветских государств Центральной Азии является важной, поскольку во многом определяет характер их внешнеполитической деятельности.

2. Природа политических архетипов как неформальных институтов подтверждает их легитимный регулирующий потенциал в дискурсе международных отношений.

3. Теоретическое моделирование политических архетипов вскрывает сущность функционирования дипломатии в странах постсоветской Центральной Азии.

4. Методологический переход от количественного анализа к качественному свидетельствует, что дискурс международных отношений в регионе, учитывающий политические архетипы, может обеспечить реальное взаимовыгодное решение всех региональных проблем, несмотря на их нынешнюю противоречивость

5. Характер межэтнических отношений и внешней политики в Центральной Азии в ракурсе притязаний ведущих акторов в период, предшествующий обретению странами региона независимости и суверенитета, имел и архетипическую основу

6. Трансформация политических архетипов в дискурсе международных отношений стран Центральной Азии носит диалектический характер, объективно соответствуя новым реалиям региональных и глобальных процессов

7. Проблема легитимации трайбализма в притязаниях политических акторов в Центральной Азии не утратит своей эффективности и в будущем. Трайбализм следует преодолевать, а не ликвидировать, так как он является частью этнокультурного наследия народов региона, атрибутом их исторической памяти.

8. Конфессиональные аспекты в международных отношениях государств Центральной Азии играют существенную роль, оказывая на них заметное влияние.

9. Перспективы влияния политических архетипов на дискурс международных отношений постсоветских государств Центральной Азии будут определяться их трансформацией в пространственно-временном континууме.

Основные публикации по теме диссертационного исследования:

Монографии:

1. Трансформация развития политических архетипов в их влиянии на международные отношения постсоветских государств Центральной Азии М ; Бишкек КРСУ, 2008. 4,75 п. л.

2 Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии. М., Бишкек: КРСУ, 2009. 28,0 п. л.

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

3. Политические архетипы в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии: состояние и перспективы

(водный и пограничный аспекты) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Т. 9 № 4 2009 0,5 п л.

4 К вопросу об интеграционных моделях на постсоветском пространстве Центральной Азии // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек, 2009. Т. 9 № 5. 0,5 п л

5 Дискурс политических архетипов в международных отношениях постсоветских государств Центральной Азии (к постановке проблемы) // Вестник Российского университета дружбы народов Серия. Политология М, 2009 № 4 0,4 п л.

6 Легитимация трайбализма в притязаниях политических акторов в постсоветской Центральной Азии (внешнеполитический аспект) // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета Бишкек, 2009 Т. 9 № 5. 0,5 п л.

Статьи в научных сборниках и журналах:

7. О проблемах «федерализации» и ее перспективах в Центральной Азии // Конституция Российской Федерации 15 лет спустя теория и практика Материалы межрегиональной научно-практической конференции Елец ЕГУ им И А Бунина, 2009. 0,6 п л.

8 К вопросу об интеграционных моделях на постсоветском пространстве Центральной Азии // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. Бишкек, 2009. Т. 9. № 5. 0,5 п л.

9. Конфессиональные аспекты международных отношений в Центральной Азии проблемы интерпретации // Диалог цивилизаций Культурно-цивилизационные мосты истории и современность Бишкек, 2009. № 9. 0,5 п. л.

10. Трансформация политических архетипов в системе международных отношений постсоветской Центральной Азии // Вопросы истории Кыргызстана. Бишкек, 2009. № 4. 0,5 п л.

Клинцов Алексей Алексеевич

Дискурс политических архетипов
в международных отношениях
постсоветских государств
Центральной Азии

Подписано к печати 16 11 2009

Печать офсетная

Формат бумаги 60х84 $\frac{1}{16}$

Объем 1,5 п л

Тираж 100 экз Заказ 19

Отпечатано в типографии КРСУ
720048, Бишкек, ул Горького, 2